

К вопросу о менталитете сибирской культуры (по материалам демократической публицистики второй половины XIX в.)

Н.П. Паршукова, Алтайский государственный университет

Понятие «менталитет» или «ментальность» распространено сегодня не только в научной среде, но и часто встречается на быденном, житейском уровне. При всем различии его толкования совершенно ясно, что в менталитете объединяется совокупность понятий, включающая в себя жизненные установки, устойчивые формы поведения, эмоции, настроения, имеющие системообразующий характер для той или иной культуры, другими словами, понятия, ассоциирующиеся с проблемой своеобразия культуры не только на национальном, но и на эпохальном, конфессиональном, классовом и т.п. уровнях.

Менталитет русской культуры не есть только национально-русский менталитет, это и ментальности межнациональные или наднациональные, т.е. менталитет русской культуры составляет «совокупность культур, сопряженных в единстве цивилизации»[1].

Российская империя не могла не включать крайнее разнообразие региональных культурных традиций; необъятность территории превращала ее отдельные части, в том числе и огромную Сибирь, в замкнутые культурные организмы, но насколько правомерен вопрос о менталитете сибирской культуры, отличном от менталитета культуры российской?

В оценке самобытности сибирской культуры отчетливо прослеживаются противоречивые тенденции, корни которых уходят в XIX век. В 50–60-е гг., когда продвижение русских за Урал набирало силы, на страницах периодических изданий широко обсуждались самые разные аспекты колонизации, при этом и правительственные структуры, и либералы, и демократы оказались единодушны в утверждении: «Сибирь – та же Русь»[2]. Наиболее ярко эта позиция была позднее выражена в классическом труде А. Кауфмана, известного исследователя переселенческого дела.

Он писал, что русские переселения «существенно отличаются от аналогичных движений в Западной Европе, от европейской колонизации заморских стран, которая имеет характер эмиграции, т.е. выхода; а в России было издревле и остается до сих пор явлением внутреннего быта, имеющим значение простого перехода с одного места жительства на другое»[3].

Но в 60-е же годы прозвучала и иная точка зрения. А.П. Щапов, профессиональный историк, подробно проанализировав ход, характер, движущие силы колонизации, пришел к выводу о формировании «русско-сибирской народности», которая «значительно отличается от коренного великорусского типа и представляет особенный своеобразный тип, во многих отношениях уступающий великорусскому. В физическом отношении тип этот составляет как бы переход от славяно-русской народности к типу северных инородцев; в психическом – он воспринял в себя также некоторые особенности инородческих племен и утратил многие коренные свойства русской природы. Ум сибиряка по обширности и гибкости уступает коренному, русскому. Эгоизм и стремление

к наживе развиты в нем более, чем у великорусов; поэтического чувства у него нет совершенно, его общественные и нравственные понятия большей частью узки, грубы и диковаты, – одним словом, это вырожденки коренного славяно-русского племени, значительно изменившиеся от неблагоприятных физико-географических и этнологических условий и представляющие относительно немного привлекательных и достойных уважения черт»[4].

Противопоставляя Сибирь России, пропагандируя необходимость и возможность особого пути развития этого обширного края, авторы и идеологи областнической концепции Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин также часто писали о самобытности сибиряков, своеобразных чертах их физического и духовного облика, образа жизни, но в отличие от нелюбимой оценки А. Щапова, их суждения не столь категоричны и мрачны: «Сибиряк более спиритуалист, чем сенсуалист, в сибирской жизни нет сентиментальности, она груба и утилитарна. Сибиряки носят на себе печать сухости, сдержанности, скрытности чувств, они как бы стыдятся показаться чувствительными. То, что другие не стесняются выражать открыто, они таят; таково их чувство даже к родине, которое они считают предосудительным. Сибиряк предпочитает казаться сухим, практичным, насмешливым, но не простодушным, увлекающимся и открытым. Сибирский ум склонен всего к критике, сатире, чем к лирике и поэзии. Чувство его заперто, покрыто какой-то корой, которую надо пробить и растопить.

Словом, натура сибиряка – совершенно иное. Ее нельзя сравнивать с пылкой, одаренной воображением, страстью натурой других племен и народностей. Великорусские свойства под влиянием исторических и социальных условий выражались здесь своеобразно. Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевные настроения обуславливает и степень восприимчивости и увлечения»[5]. Акцент на «местном колорите», гиперболизация самобытности Сибири определялись общей программой областничества, вытекали из нее. Сибирь областники рассматривали совершенно изолированно, не сравнивая ее с остальной дореволюционной провинцией.

Более того, искренние в своем стремлении подчеркнуть непохожесть и своеобразие сибирского характера, отделить сибиряков от остального населения Европейской России, областники проигнорировали вполне очевидный факт: в Сибирь добровольно шли или ссылались не только русские, но и украинцы, белорусы, поляки, татары, евреи и т.д., мощный колонизационный поток не разделялся ими на национальные составляющие, тогда как среди русских в Сибири выделялось много сословных, этнических и конфессиональных групп, сибирское население не представляло единого целого ни по своему происхождению, ни по составу.

Более взвешенной и точной была оценка разных контингентов русских переселенцев, прозвучавшая в демократической публицистике второй половины XIX в.

Так, в 1863 г. журнал «Русское слово» напечатал путевые очерки Н.В. Шелгунова «Сибирь по большой дороге» и «Гражданские элементы Иркутского края»[6]. Очерки явились результатом его поездки в Сибирь в 1862 г. с целью изучения возможностей для организации побега ссыльного поэта-демократа М. Михайлова. Кроме того, он должен был по заданию «Земли и воли» «осветить» Сибирь, т.е. дать информацию о готовности сибирского населения к общерусскому восстанию. Наблюдения Н.В. Шелгунова оказались удивительно точны и во многом предвосхитили позднейшие выводы историков-сибиреведов. Сославшись на позицию официальных кругов, что «общий характер Сибири чисто русский; Сибирь отнюдь не колония России; она – дитя одной и той же матери

Руси; в Сибири живут те же русские люди, как и в России, та же в ней вера, язык, обычаи, те же поверья, одежда народная. Словом, «Сибирь – та же Русь».

Шелгунов тем не менее подчеркивает, что «Житель Европейской России зовет сибиряка сибиряком, а сибиряк зовет его человеком «российским», не только потому, что предполагает географическое различие, но еще и потому, что эти края при кажущемся внешнем сходстве, имеют громадное экономическое различие и совершенно иной сословный строй: Статистические и физиологические исследования до сих пор еще не указали разницы в способностях, характере и умственных дарованиях русского и сибиряка. Но происхождение их совсем различное, а потому необходимо допустить различие и в нравственных качествах, различие чисто племенное, которое создает то, что из одного человека выходит англичанин, из другого немец, из третьего француз. Из американца географическое положение страны создало же человека иной наружности и другого характера, чем англичанин, от которого он произошел; такое же различие должно быть между русским и сибиряком»[7].

Огромные, почти не заселенные пространства Сибири, суровые природные условия, принудительная колонизация политическими и уголовными ссыльными, ассимиляция пришлого населения с коренными народами, отсутствие дворянства и крепостного права, – все это, по мысли Н.В. Шелгунова и определило формирование совершенно особых черт сибирского характера, но главная причина того, что «Сибирь не та же Русь», – правительственная политика, обрекавшая Сибирь быть колониальной окраиной империи.

Публицисту с демократическими взглядами, каким, несомненно, был Н.В. Шелгунов, в идейной борьбе 60-х гг. XIX в. было важно показать губительное влияние крепостнических порядков, безнаказанность российского чиновничества, тяжелое положение различных слоев сибирского населения, именно с этим связано резкое противопоставление Сибири России.

Многие оценки Шелгунова разделял известный русский писатель Г.И. Успенский, который уже в 90-е гг., путешествуя по Сибири, дал яркие зарисовки «разнохарактерных типов переселенцев». Описывая поселок, в котором живут великороссы, кержаки, поляки, он отмечает, что «самого поверхностного внимания к каждому из этих крестьянских типов вполне достаточно для того, чтобы чувствовать их огромную нравственную друг от друга отчужденность: Все они одинаково пашут, косят, сеют, возят навоз, но все они уже совсем не одинаковы прежде всего по внешнему виду...

Когда мы приблизились к дому поляка: выбежали навстречу две девочки, десяти и двенадцати лет, одетые чрезвычайно опрятно, причесанные по-городски, обутые в крепкие, хотя и грубые башмаки; они работали в огороде и, следовательно, делали то же крестьянское дело, как и наши девчонки; но вот девушки такого же возраста у «наших» действительно уже не девушки, а девчонки: в одних рубахах, с растрепанной косичкой, босиком и с грязными ногами. Через три-четыре года они будут уже женами, и их дети будут ходить так же босиком, с раздутыми животами, как и сами они. Опрятность и чистота кержацких женщин также ни в какой мере не сравнима с нашими, но зато нет у них «веселья, песен, «горелок». [8]Г.И. Успенский не использовал термин «менталитет», но именно он объясняет причину столь значительных различий в образе жизни людей, живущих в схожих условиях крестьянского труда.

«Таким образом, вся личная жизнь, все личные интересы, общественные и исторические идеалы у всех этих, по-видимому, одинаково трудящихся, людей совершенно разнообразны и решительно недоступны пониманию ими друг друга. Кержаку

решительно невозможно иметь с поляками какие бы то ни было нравственно одинаковые стремления и цели, точно так же как и поляку, семейные предания не дают даже и нити к какому-нибудь нравственному товариществу с кержаком»[9].

Наблюдения Успенского о замкнутости различных этнических групп переселенцев в Сибири и их стремлении сохранить привычный им традиционный жизненный уклад подтверждают большую стабильность социокультурных стереотипов поведения и мировоззрения. «Удаляясь в далекий неизвестный край, переселенцы сохраняли обычаи своей родины, нравы, предания отцов, великорусский говор», – отмечал С.И. Гуляев[10].

Но при всех этнических, территориальных и конфессиональных различиях все пришлое население в Сибири сближает и объединяет, по мысли Г. Успенского, отсутствие крепостного права и огромный земельный простор, именно эти факторы и определяют особенные черты сибиряков: «Нет барского дома, но есть крестьянин, живущий на таком просторе, расплодивший там огромные стада, настроивший такие огромные просторные деревни, есть человек, проживший на своем веку без малейшей прикосновенности к барскому дому»[11].

Высказав сожаление, что переселенческое, т.е. «общерусское» дело не позволило глубже коснуться «явлений собственно сибирской жизни», Успенский все же отметил еще одну специфическую особенность Сибири: «Все, что напоминало только мрачные, свойственные исключительно Сибири особенности, все стало припоминаться одно за другим, и, наконец, Сибирь обрисовалась как страна, в которой живет исключительно виноватая Россия». [12] Сибирь действительно была штрафной окраиной империи, что не могло не повлиять на различные стороны духовной и экономической жизни, но если политическая ссылка (декабристы, петрашевцы, участники польского восстания, народники) способствовала росту просвещения, культуры в целом, то уголовная колонизация Сибири наносила огромный вред во всех отношениях, оказывая развращающее влияние на население. Именно о губительности уголовной ссылки и писал Г. Успенский.

Очерковое наследие его охватывает не только Сибирь, но и Кавказ, Урал, Башкирию. Из разнообразных типов людей, встретившихся писателю, пристальное внимание его привлекали, прежде всего, переселенцы, но изучение местных особенностей населения того или иного края было важно для понимания социального быта и психологии российского крестьянства в целом. Демократ-публицист совершенно справедливо подчеркивал общность исторический судеб России и Сибири: «Сибирь – виноватая Россия».

Оценивая ход и исторические последствия колонизации по «горячим следам», демократическая публицистика второй половины XIX в. привела свидетельства культурной ассимиляции пришлое населения Сибири, названной еще Н.Г. Чернышевским «объякучивание». Во взаимодействии с аборигенами многое зависело от численности народов, от расселения. Малочисленность русских на севере Сибири, где природные и климатические условия жизни были особенно тяжелы, привели к утрате ими своего бытового уклада и перениманию культуры местных жителей, общественно-родовой строй которых был очень устойчив к разного рода внешним потрясениям и переменам. С большой художественной выразительностью этот процесс обрисовал в одном из своих рассказов В.Г. Короленко, много повидавший за время своих ссылочных скитаний: «Но пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли ее огнем, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женьясь на якутках, они перенимали якутский язык

и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали.

Как бы то ни было, все же мой Макар твердо помнил, что он коренной чалганский крестьянин. Он здесь родился, здесь жил, здесь же предполагал умереть. Он очень гордился своим званием и иногда ругал других «погаными якутами», хотя правду сказать, сам не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни»[13].

«Обьякучивание» было, конечно, крайним проявлением этнических контактов. Культура переселенцев из российских губерний (включая различные этнические группы) при всем стремлении к обособлению не могла не претерпеть определенной трансформации под влиянием внешних взаимодействий, это было необходимым условием адаптации. Степень культурной ассимиляции русского и местных народов была различной в разных частях Сибири и зависела от многих факторов, но этот процесс был обязательной и неотъемлемой частью формирования единого социокультурного пространства Сибири. То, что на общественно-политическом уровне зафиксировала демократическая публицистика, получило глубокое освещение на фундаментально-теоретическом уровне в трудах отечественных историков 80–90-х гг. XX в.[14].

Русская демократическая мысль, начиная с А.Н. Радищева, подчеркивала специфику культурно-исторического развития Сибири, складывавшуюся здесь под влиянием природных, этнических, конфессиональных, политических и других факторов собственного ценностного мира, самосознания сибирского населения. Но если областники в 60–70-е гг. XIX в. всячески превозносили и абсолютизировали идею «самобытности» Сибири, идею «сибирства», то демократы-публицисты не отделяли Сибирь от прочих губерний огромной России, рассматривали ее как часть общероссийского социокультурного пространства. Менталитет российской культуры не мог не включать крайнее разнообразие региональных культурных традиций в силу обширности территорий, что неизбежно приводило к превращению ее отдельных частей в замкнутые культурные организмы, которые позже известный краевед Н.К. Пиксанов обозначил как «культурные гнезда»[15]. Но общероссийская культура явилась результатом не просто механического сложения ее составляющих, а результатом их сложного, зачастую противоречивого взаимодействия и взаимовлияния. Безусловной исторической заслугой демократической публицистики, на наш взгляд, является то, что вопрос о самобытности Сибири они переводили в другую плоскость – об отношении «центра» и «периферии», «столицы» и «провинции».

Список литературы

1. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 523.
2. См. материалы дискуссии о колонизации Сибири: Век. 1861. N 15, 21, 22.
3. Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 56.
4. Цит. по: Азадовский М.К. Сибирские страницы. Иркутск, 1988. С. 243.
5. Ядринцев Н.М. Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 92.
6. Русское слово. 1863. N 1-3; N 9-10.

7. Русское слово. 1863. N 9. С. 36, 37-38.
8. Успенский Г.И. Поездки к переселенцам // Собр. соч. в 9 тт. Т. 8. С. 313-314.
9. Там же. С. 316-317.
10. ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
11. Успенский Г.И. Указ. соч. С. 275.
12. Там же. С. 261-262.
13. Короленко В.Г. Сибирские рассказы и очерки. М., 1980. С. 67.
14. См., например: Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума): В 2 т. Новосибирск, 1998. Т. 2; Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII-XX вв.). Новосибирск, 2003.
15. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М., 1928.

Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://new.hist.asu.ru/>

Дата добавления: 29.06.2006

<http://www.km.ru/referats/29F189CFD4AA418FB9C84E6BBA0F87BF>